

Мысли о Стиве, заспанном и немного помятом с утра, ещё до того, как он вдоволь наплещется, фыркая, над бочкой с ледяной водой, едва не стоили Баки успешной охоты. Он отвлёкся, и стая из трёх подросших тетеревов выпорхнула из густого куста слева, прямо у него из-под ног. Птицы забили крыльями, поднимаясь к деревьям и пытаясь затеряться между переплетений веток, но Баки был воином всю свою сознательную жизнь. Ему хватило мгновения, чтобы заученным движением кисти раскрутить пращу и точно метнуть засвистевший в воздухе камень. Он успел сбить двух; третий тетерев удачно затерялся между еловых лап. Одна тушка упала замертво к его ногам, второй птенец ещё трепыхался, зацепившись за ветку. Не долго раздумывая, Баки снял его и чуть придавил ногой, стараясь не слишком помять. А затем быстро свернул ему шею, чтобы не мучился. Коротко хрустнуло, и тельце, всё в бурых перьях, обмякло. Баки почувствовал, как гордость за самого себя распирает его. Впервые он добыл мясо. Впервые он доказал себе — и докажет Стиву, что не обуза. Что может быть полезен. Он думал об этом всю недолгую дорогу до землянки, где поудобнее сел на расколочный пень и, зажав первую тушку между коленей, принялся ощипывать. Было страшно неудобно, Баки ругался сквозь зубы, но делал своё дело — перья летели во все стороны. Он думал, что это особенный день. Быть может, даже день его возрождения как охотника. И, кто знает, возможно, как воин он тоже не совсем потерян. Он старался не думать так далеко.

Друид показался незадолго до заката. Вышел из леса, замер ненадолго, когда заметил Баки, сидящего на улице у открытого очага, и всё же подошёл ближе. Будто запах печеной птицы тянул его, и Баки прекрасно знал, как тот был голоден после дня скитаний непонятно где. Стив не брезговал мясом. Больше не брезговал. Баки едва удерживался от того, чтобы не светиться ярче закатного солнца, когда Стив устроился рядом на пне для расколки, шумно втянул запах носом.

— Вкусно пахнет.

— Тетерев, — ответил Баки. — Пращей сбил. Теперь это моё оружие для охоты.

Стив издал тихий одобрительный звук.

— Тебе больше не нужно никого убивать, — осторожно сказал Баки, но друид ничего не ответил. Только сидел и смотрел на тлеющие угли. А потом, когда Баки только привык к окутавшей их тишине, сказал:

— Нам нужно поторопиться. Я приготовил палки, нужно растянуть шкуру и укрепить её жердями изнутри. Иначе ветер чёрной охоты... — Стив замолчал и вдруг очень серьёзно, устало посмотрел на Баки. — Если я буду рваться уйти куда-то сегодня после захода солнца, не пускай меня. Иначе я не вернусь.

Баки фыркнул. Нашёл, кому говорить то, что каждый ребёнок знает. Баки слышал и видел, как особенно чувствительные к смене сезонов люди рвались выйти из-под защиты крыши своего дома в Самхейн. И тех, кому это удавалось, больше не видели. Баки знал, что ни за что не выпустит Стива на улицу сегодня после захода солнца. Даже если тот будет прилагать все силы для этого. Стив предчувствовал Самхейн как вся тревожно замершая вокруг них природа: был бледнее обычного, и под лучистыми прохладными голубыми глазами улеглись глубокие тени.

Он выглядел вымотанным.

— Не пушу, — только и сказал Баки. Это будто бы помогло — Стив немного расслабился, даже плечи, вечно торчащие в стороны, как два подрезанных крыла, опустились вниз. Он даже представить не мог, что его ждёт.

Они съели тетерева медленно, смакуя сочное и мягкое, сладковатое на вкус мясо, а кости Стив выбросил подальше от землянки, в подлесок, чтобы не привлекать лесное зверье. Чем ниже садилось багровое солнце, тем больше Баки замечал странностей за ним. Над мягкой верхней губой Стива выступили мелкие капельки пота. Они укрылись в землянке и теперь распялили шестами шкуру на входе, уперев края палок в твёрдые стены. Стив начал дрожать, и, наконец, без слов лёг на свою лежанку, укрылся краем шкуры и свернулся под ней комком, как озябший щенок.

Баки показалось, что он услышал это первым — низкий далёкий вой, словно ветер стал живым и начал стонать. А после резко налетела буря, заколотила комками сухой почвы по шкуре, задула изо всех сил. И как бы Баки ни старался сидеть рядом со Стивом и просто смотреть в разведённый внутри дома отпугивающий нежить огонь, ему было дико страшно внутри. Никогда его ещё от чёрного торжества Самхейна не отделяло что-то настолько тонкое и зыбкое, как старая шкура.

Снаружи что-то выло и скреблось, царапая стволы деревьев. Оно надвигалось, становилось ближе, и Баки казалось, что он чувствует это не хуже Стива — Великий гон начался. Где-то в чаще, совсем ещё далеко, залаяли призрачные собаки — раскатисто, пугающе. Баки понял, что ему очень не хватает своего меча именно сейчас. Чтобы успокоиться, чтобы...

Стив вдруг сел посреди лежанки, а потом и скинул шкуру вниз.

— Мне жарко, — сказал он, едва в силах говорить, очень медленно. Его глаза были странно-мутными, словно он уже спал. Сказал так — и начал раздеваться. И как только скинул рубаху на земляной пол, толкнул Баки и попытался прорваться к шкуре. Баки больно свалился спиной на земляной пол, не удержавшись на коленях. Он успел поймать Стива за ногу и ещё раз удивился, каким тот был вертлявым и худым. — Пусти, — забился Стив. — Мне нужно идти. Нужно туда.

Пугающий нечеловеческий гул нарастал. Баки ощущал, как тревога затапливает его, лишает возможности думать хоть о чём-то ещё, и Стив, словно в него вселился кто-то другой, не добавлял ясности. Баки ухватил его крепче рукой и прижал к собственной груди и животу. Стив крупно дрожал, пот лился с его висков. Баки хотел лизнуть влажную, солёную и безумно нежную кожу, запах дурманил его, но просто не смог себе разрешить это. Знал, что нельзя. Стив бился в его однурукой хватке, и Баки чувствовал на собственной шкуре, с какой страшной силой его тянет наружу. Это пугало. Это было упоительно. От Стива пахло горьким мёдом. Он царапался и издавал звуки, как рассерженная лисица. А потом неожиданно ловко повалил наземь и оседлал сверху, полуголый и костлявый, горячий, как раскалённый уголь. Сладко заёрзал на его бёдрах, но глаза его заволокло, и Баки сомневался, что Стив хоть немного понимал, что делает. Баки изо всех сил держал его за предплечье, когда Стив наклонился

вдруг к нему и зашептал в уши, в губы, в щёки, снова и снова касаясь кожи сухой корочкой на губах: «Возьми меня. Ты ведь хочешь. Возьми. Возьми...» Он шептал так заразительно и безудержно, и всё тёрся сверху, что Баки, ненавидя своё тело за это, почувствовал, как быстро твердеет член. Как несётся наперегонки дурное сердце. Он впился рукой в руку Стива до синяков и опомнился только когда тот застонал — будоражаще, протяжно. «Возьми меня... Или отпусти...» Баки чувствовал, словно по крыше землянки топчут дикие кони. Словно по ней несутся обезумевшие от гона собаки, словно воеет в бушующем ветру одинокий охотничий рожок. Он зажмурился изо всех сил. А когда открыл глаза, у Стива в свободной руке был нож. Его длинный охотничий нож, острый, как лунный серп, — он вытащил его у Баки из-за пояса. Стив держал его за широкую рукоять, уткнув остриём посередине ямочки между выдающихся ключиц, и его впалая грудь ходила ходуном от шумного прерывистого дыхания. Вязкая красная капля набухла и скатилась вниз, прочертив по бледной коже алый след. Словно брусничный сок. Баки оторопел и на миг ослабил хватку.

— Пусти меня! — хрипло прорычал Стив, смотря куда-то мимо Баки, и дёрнул ещё зажатую в хватке руку. Этого хватило, чтобы привести Баки в чувство. Он коротко выдохнул, выбил нож одним точным движением, перекатился и подмял Стива под себя, укрыл собой, затянул их на свою шкуру и так и остался лежать, шумно дыша, терпя больные тычки, царапание и бесполезное рычание. Стив не сдавался до последнего, пока зовущий вой не заглох снаружи, и буря не стихла, оборачиваясь обычным осенним затяжным дождём. Только тогда успокоился и он — не сразу, медленно возвращаясь в этот мир, к Баки. Тот возвышался над ним незыблемым курганом, словно обезумевший друид был его главной опорой в этом мире. Сокровищем.

Стив обмяк, коротко всхлипывая, и Баки отпустило от зашкалившего напряжения. Он осторожно опустил его сверху. Ему казалось, словно он держал его всю ночь, держал его вечность. Голова стала неподъёмной и тяжёлой, а мышцы гудели. Не раздумывая, он перевернулся на бок, обессиленно сгрёб всхлипывающего Стива ближе к себе и прижал спиной к своей груди. Не глядя, нащупал шкуру, накрыл их и провалился в сон без сновидений. Ему чудилось, словно Стив всё шепчет ему то ли «прости», то ли «спасибо», но разобрать, что именно, не смог.

<http://erolate.com/book/3459/83623>